

20 и 26 мая — у Навагинского. В последнем случае убыхи, заметив около укрепления пароход, решили, что предполагается перестраивание укрепления, и это послужило причиной их нападения. Но, несмотря на значительные их силы, штурм оказался неудачным. То же самое было повторено на другой день — 27-го. После этого известны стычки около Головинского: 1, 4, 9, 11, 22 и 29 августа и 31 октября. В нападении убыхов 9 августа им удалось захватить 23 головы рогатого скота. 6 и 12 октября были стычки у Навагинского укрепления¹³⁸.

Убыхи и мюридизм (1848–1859 годы)

В 1848 года среди убыхов появился религиозный фанатик в оборванной одежде, который призывал забыть межплеменные счеты и объединиться для всенародной войны горцев против колониальных притязаний царской России. Он был родом бжедуг. Рассказывали, что он мог магическими заклинаниями лишать порох взрывной силы, мог наводить такой туман, что с помощью его горцы непременно подошли бы незамеченными к валам царских укреплений и без единого выстрела взяли бы их. Этот бжедуг силой своего фанатизма производил большое впечатление на горцев. Со всех сторон съезжались на Вордане, чтобы послушать его проповеди о газавате и объединении племен. Популярность его росла с каждым часом, и вскоре после своего появления он носил уже громкое имя имама. Обеспокоенное этим царское командование подкупило своих горцев-шпионов, которые ухитрились тайно схватить проповедника и передать его в руки генералов. Эти же не замедлили посадить его в геленджикскую тюрьму¹³⁹.

Рис. 10. Мухаммед-Эмин, наиб Шамиля на Западном Кавказе

Фанатичный бжедуг не был единственным поборником идеи объединения племен. В начале лета 1848 года по инициативе присланного Шамилем в качестве черкесского наиба Магомед-Эмина на р. Адагум состоялось большое народное собрание, имевшее це-

лю

¹³⁸ Шербина Ф., с. 379–381.

¹³⁹ Шербина Ф., с. 324, 380

люю широкие мероприятия по объединению горцев Западного Кавказа единой политической властью, чтобы поставить разрозненные общины и племена в такое положение к России, в каком находится одно независимое государство к другому. Чтобы органы племенного союза не висели бы в воздухе, решено было создать ополчение так называемых муртезек. Эти последние должны были комплектоваться из обязательного числа ополченцев от каждого племени. Верховным межплеменным органом должны были быть или всенародные собрания, или же совет старшин. Вся идея «государственности» была фактически попыткой создания только союза племен. До государства было еще далеко. Государство как результат непримиримости классовых противоречий еще не созрело на почве Западного Кавказа. Характерно, что идея объединения исходила не от верхушечных слоев черкесского народа, а от общинной демократии. Магомет-Эмина поддерживали абдзахи, натхуаджи, шапсуги, т.е. такие племена, где не было пши (за редким исключением), а уорки также не пользовались влиянием на народ. Планы Магомет-Эмина на первых же порах были встречены в штыки со стороны племен, где власть пши и уорков была уже достаточно окрепшей. С нашей точки зрения, и «дефтер» 1841 года, и адагумские постановления 1848 года исходили от общинно-племенной демократии. Носителями этих планов были тлхукотли.

На морском побережье Западного Кавказа, где уорки и куашха имели все же большее значение в общественной жизни, чем это имело место, например, в Абдзахии, идея объединения племен не нашла отклика на народных собраниях. Убыхи и население Малой Шапсугии заявили адагумскому собранию, что они: 1) составят свой союз, 2) назначат сбор муртезек в распоряжение своих собственных народных собраний, и 3) учредят у себя особые органы внутреннего распорядка и правила внешних отношений. Представители убыхов и малых шапсугов протестовали против права иноплеменников распоряжаться внутренними делами Побережья. Они заявили, что, если окажутся среди убыхов или малых шапсугов изменники делу освободительной борьбы, то сами найдут способы, как с ними расправиться, вмешиваться же кому-либо со стороны не позволят¹⁴⁰.

Но авторитет Магомет-Эмина все рос, и черкесские тлхукотли, как и их убыхские собратья, вагыши, не могли не видеть антифеодального зерна в распространяемом им учении мюридизма. Противодействие этому влиянию со стороны куашха было ослаблено тем, что крупнейший род последних — Берзеки — в это время отвлечены были кровопролитной межродовой войной с куашхским родом Чиземогуа¹⁴¹. Не удивитель-

¹⁴⁰ Там же, с. 380—381; Акты... X, с. 670—671; *Lapinski Theophil* (Tefik Bey) *Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen*. I, II. Hamburg, 1863, s. 273.

¹⁴¹ Акты... X. с. 678.

но, что летом 1849 года убыхи исполняют требование Магомет-Эмина послать своих старшин на межплеменное народное собрание¹⁴². Во время этого собрания конная партия из абдзахов, шапсугов, натхуаджей и убыхов, под предводительством Карабатыра Заного (сына известного шапсугского пши Сефер-бея Зана), совершила нападение на станицу Николаевскую. Это случилось 29 октября 1849 года. Казаки и русские регулярные войска потеряли 4 человек убитыми, 28 — ранеными и одного захваченного в плен. Горцы оставили на месте 4 трупа¹⁴³.

Несмотря на явную и тайную агитацию куашха против Магомет-Эмина, вагыши все более склонялись на его сторону. Этому способствовали и сравнительно глубокие убыхо-абдзахские экономические связи. Вагыши пригласили Магомет-Эмина посетить Убыхию, имея в виду использовать его приезд для борьбы с куашха. В апреле 1850 года на р. Сочи состоялось собрание убыхских старшин и почетных лиц с целью выработки окончательной позиции по отношению к Магомет-Эмину и его реформаторской деятельности. Его ожидали со дня на день с большим абдзахским конвоем, и при таком положении куашха побоялись открыто выступить против реформатора, зная, что за это они могли бы поплатиться. Собрание постановило: признать над собою власть Магомет-Эмина на тех же условиях, на каких это сделали и абдзахи, т.е. платить для нужд предполагавшегося центрального правительства горцев определенную сумму денег, выставлять ополчение муртезек, признать над собою власть Магомет-Эмина как в светских, так и в духовных делах, и завести у себя в Убыхии такую же систему самоуправления, как и в Абдзахии¹⁴⁴.

Когда в декабре 1850 года Магомет-Эмин прибыл, то сразу же взялся за приведение населения к присяге и сбору муртезек. Последние вербовались по одному от 100 дворов и предназначались в постоянный вооруженный отряд реформатора. Муртезеки, ежегодно заменяясь новыми, должны были сопровождать его во время всех переездов. Приведа к присяге и собрав муртезек, Магомет-Эмин объявил созыв чрезвычайного ополчения убыхов, в которое каждый двор обязан был выставить одного воина. Это ополчение собралось и составило собою большое войско. Командование Черноморской береговой линией всполошилось: оно боялось, что Магомет-Эмин поведет убыхов на штурм укреплений. Но он не имел этого намерения, так как считал, что в данный период основной его задачей является проведение реформ, которые сами по себе важнее, чем разрозненные военные удачи. Чрезвычайное ополчение убыхов Магомет-Эмин повел на землю маленького черкесского племени гуае, обитавшего в бассейне р. Псезуапе. Дело в том, что гуае

¹⁴² Там же, с. 678.

¹⁴³ Там же, с. 680–681, 683.

¹⁴⁴ Дроздов И.Х. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848 по 1856 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1886, т. X, с. 531.

были известны как наиболее упорные на Западном Кавказе последователи древних языческих верований. Большинство гуае даже формально не желало принять ислам, и когда пронесся слух, что Магомет-Эмин собирается силою оружия обратить гуае в мусульманство, то они решили окопаться и защищать веру предков. С помощью убыхского ополчения гуае были формально обращены в ислам, после чего Магомет-Эмин распустил ополчение и отправился с одними лишь муртезеками приводить к присяге население Малой Шапсуги¹⁴⁵.

Поход Магомет-Эмина к убыхам имел большое значение для дела борьбы вагышей с куашха. Заведенное им демократическое управление краем не встретило активного сопротивления куашха, так как последние еще не закрепили за собою права на политическую власть и эксплуатацию свободных общинников. Но покориться общинной демократии куашха не хотели. И вот борьба между куашха и вагышами была поднята на неслыханную до этого высоту. Куашха решаются стать на путь вооруженной войны против своего народа, но, не видя за собою реальной силы, они обращаются за помощью к царской России. Еще в июле 1850 года куашха посылают секретную депутацию в Сухум. Принявшему их начальнику береговой линии генерал-майору Будбергу депутаты заявили, что убыхская и мало-шапсугская племенная знать хочет поднять вооруженное восстание с целью уничтожения демократических порядков. Племенная знать, — заявили депутаты, — не надеется добиться успеха одними лишь собственными силами; поэтому депутаты от ее имени, выражая полную покорность царскому правительству, просят у последнего военной помощи для совместной войны против Магомет-Эмина и поддерживающей его «народной черни».

Об этой делегации Будберг писал Воронцову: «Дух неуважения и глупой вражды против дворян (т.е. племенной знати. — Л.Л.) проник в землю убыхов и прибрежных шапсугов <...> Упадок значения дворянства зашел столь далеко и продолжается столько времени, что нельзя восстановить этого сословия одною экспедициею <...> Необходимо — или не начинать этого дела вовсе, или сильно его поддержать, имея всегда в готовности значительный отряд <...> Не располагая достаточными для этого силами, <...> я должен был уклониться от решительных объяснений с убыхскими старшинами (куашха. — Л.Л.), обещая им, во всяком случае, покровительство и поддержание их нравственным влиянием»¹⁴⁶.

С самого начала 1851 года вагыши организовали слежку за предателями, проводившими шпионаж в пользу царской России. На всех дорогах, ведущих к укреплениям, выставили сильные заставы, которые, в свою очередь, занимали своими пикетами все сколько-нибудь проходимые

¹⁴⁵ Акты... X, с. 684—686; К. Обзор событий на Кавказе в 1851 года, с. 1—4; *L. Lapinski*, s. 279.

¹⁴⁶ Акты... X, с. 681—682.

тропы. Наблюдение за одним лишь Навагинским укреплением несло 3 заставы по 120 человек каждая. Куашха не смогли продолжать свои переговоры с генералами. Попытка подполковника Званбая уничтожить убыхские заставы у Навагинского (в ночь на 13 января) не привела ни к чему. Они на долгое время и после этого не только лишали царское командование получения агентурных сводок, но еще и жгли принадлежащие гарнизонам стога сена и строения, не допускали выхода команд за дровами и пр.¹⁴⁷

28 февраля убыхские патрули, пользуясь темной ночью, пробрались к бастиону Навагинского укрепления, подрезали гальванический провод и стали извлекать мины, но были обнаружены и обстреляны картечью. В ответ на этот смелый поступок команда в 154 человека напала ночью на убыхское селение Ахшна-аху (в пяти с половиной километрах от укрепления), захватила в плен 7 сонных жителей, убила 11 человек и сожгла селение. При отступлении команда подверглась атакам разбуженных убыхов и потеряла 11 человек ранеными¹⁴⁸.

Лишь в конце марта удалось прокрасться сквозь кордоны одному шпиону. Это был «дворянин из племени убыхов Дзеуш» (т.е. Дзепш). Явившись в г. Керчь, он спешил сообщить начальнику береговой линии Серебрякову, что положение в горах слишком серьезно. Магомет-Эмин распространяет учение мюридизма, по его приказанию уничтожаются древние кресты и рубятся священные деревья. Кроме того, Магомет-Эмин бросил лозунг освобождения рабов и крепостных («мусульманин не может быть рабом»), и поэтому классовая борьба обострилась¹⁴⁹.

2 июня группа убыхов изрубила высланный из Навагинского укрепления пикет в 4 человека. Когда же против них был выслан большой отряд, то они дали залп и пытались уклониться от боя, но, отходя, понесли немалые потери.

4 июня убыхи завязали перестрелку, а потом и несколько раз бросились в шашки против большой команды (470 человек при одном единороге и с поддержкой одного байдака, имевшего 2 фальконета), высланной из того же укрепления для расчистки кустарника. Команда имела одного убитого (подпоручика) и 7 раненых¹⁵⁰.

6 июня убыхи произвели нападение на сильную команду, высланную из Головинского укрепления для покоса сена. Команда состояла из 306 человек при 3 горных единорогах; с моря ее поддерживали 4 байдака азовских казаков. При нападении убыхи «выказали необыкновенное ожесточение, несколько раз с гиком бросались в шашки». Но под действием сильного огня артиллерии (горной и с байдаков) они отступили

¹⁴⁷ К. Обзор событий на Кавказе в 1851 года, с. 2, 3, 7, 37.

¹⁴⁸ Там же, с. 31–33.

¹⁴⁹ Там же, с. 24–25.

¹⁵⁰ Там же, с. 56–59.

с большим уроном. В команде было 14 раненых. Слабая стычка повторилась и 7 июня. Когда же команда 8 июня возвращалась с очередного покоса, то по ней был дан из-за завала залп. На убыхов пошли в атаку, но конный резерв их приостановил ее. Огонь артиллерии снова отбросил убыхов. Причины поражения убыхов 6 и 8 июня заключались (как и всегда в таких случаях) в огневом превосходстве противника. За эти два дня по убыхам было выпущено 1579 снарядов! Естественно, что урон их был немалый — около 100 человек убитыми и ранеными¹⁵¹.

26 июня, когда шапсуги сражались против такой же команды, вышедшей из Лазаревского укрепления, чтобы косить сено, то на помощь им, как говорит К., прибыли «жители Вардане, самые отчаянные контрабандисты всего восточного берега и непримиримейшие враги русских»¹⁵².

Когда широкие слои убыхского народа героически отстаивали свою независимость, их племенная знать добивалась реализации своего заговора (см. выше). Представители их вели секретные переговоры в укреплении Св. Духа, но начальник береговой линии Серебряков, по недомыслию, отклонил их бесспорно искреннее предложение мира и содействия царским войскам в борьбе против горцев¹⁵³. После этой неудачи три крупнейшие рода убыхских куашха — Берзек, Дзепш и Дечен вторично послали по одному депутату к Серебрякову в город Керчь. Они просили его вступить в переговоры с ними. Но вице-адмирал и на этот раз не оценил искренности депутатов и думал, что эти три куашха являются представителями всего непокорного царской России убыхского народа, в то время как они выражали волю лишь верхушки его. Не поняв этого, Серебряков напрасно говорил с депутатами таким тоном, будто перед ним были посланцы всего племени, только в данный момент признавшего свои «ошибки». Серебряков пообещал возобновить (?) меновую торговлю с убыхами, но соли (в которой чувствовалась острая потребность), сказал он, они не получают, так как не верит в искренность убыхской покорности. Серебряков предложил депутатам объявить своему «народу» (которому они, конечно, боялись и заикнуться о своих переговорах), что царское правительство ставит убыхам три главные условия: 1) присягнуть на подданство царю, 2) выдать аманатов из наиболее влиятельных родов по выбору Серебрякова и 3) учредить общий народный суд с подчинением его специальному чиновнику, назначаемому царским правительством. Причем сам Серебряков разъяснял: «Последнее условие необходимо для управления народом и для приведения в какое-либо единство разрозненных частей его, которые состоят из фамилий, имеющих каждая из них полную самостоятельность». В случае принятия убыхами этих условий, Серебряков со своей стороны обещал ходатайствовать о 1) уваже-

¹⁵¹ Там же, с. 42–45.

¹⁵² Там же, с. 48.

¹⁵³ Там же, с. 51–52.

нии их религии и обычаев, «сколько последние могут согласоваться с покорностью правительству», 2) о разрешении торговых поездок в Турцию, 3) об отпуске им некоторого количества соли, 4) об освобождении их от воинской повинности и 5) об освобождении от налогов. Все это было завершено заверением Серебрякова, что «вверив судьбу свою попечению могущественного и милостивого монарха, они могут ожидать от щедрот его величества всего полезного для своего благосостояния»¹⁵⁴. С «щедротами» «милостивого монарха» мы еще познакомимся в своем месте.

В конце октября или начале ноября того же 1851 года при посещении Серебряковым Навагинского к нему снова явились «старшины нескольких ближайших к укреплению фамилий», наверное, Аблагуо и мелких сочинских куашха. Они просили мира, свободной торговли с Турцией и отпуска соли. В ответ на это Серебряков снова повторил свои три требования и, таким образом, переговоры кончились ничем¹⁵⁵.

Куашха не были враждебно настроены против царского правительства, но из-за своего бессилия вынуждены были играть двойственную роль. Отдельные представители их даже получали из царской казны «пенсию», т.е. регулярные взятки за подрывную работу среди своего племени, и, например, такая выдающаяся личность, как Хаджи-Керендук-Догомуко Берзек (племянник Хаджи-Догомуко), также получал «пенсию», которой был лишен в 1851 году «за подозрительные действия», иначе говоря — за двойственную игру, после чего с досады и, возможно, еще и из иных побуждений, начинает открыто проявлять свою враждебность царской России¹⁵⁶.

Не следует забывать, что в это время чувствовалось приближение Крымской войны. Магомет-Эмин, зная о подготовке ее, на народных собраниях в Черкесии пламенно призывал к объединению всех племен Западного Кавказа во имя единой религии. Он призывал в последний раз набраться терпения для окончательного избавления от врага. В этом деле, — говорил он, — горцам помогут иностранные державы¹⁵⁷. В 1852 году на побережье высадились поляк Младецкий и итальянец Пичиникки, которые заверяли убыхов, что они являются посланцами самого султана. Они также призывали не падать духом, не отступать от борьбы с царской Россией, бывшей, как известно, оплотом европейской реакции. Приехавшие иностранцы подтвердили слова Магомет-Эмина, что скоро грянет война, и поэтому горцы получают военную помощь¹⁵⁸.

Под влиянием назревающих международных событий убыхи снова заволновались. Еще в начале февраля 1852 года они (и частично асад-

¹⁵⁴ Там же, с. 78–79; Акты... X, с. 687–688.

¹⁵⁵ К. Обзор событий на Кавказе в 1851 года, с. 81–82.

¹⁵⁶ Акты... XI, с. 42.

¹⁵⁷ Шербина Ф., с. 545.

¹⁵⁸ Дроздов И., XI, с. 467.

зуа) собрались в количестве более 2000 человек под главенством Хаджи-Керендука и решили совершить набег на покорившуюся Абхазию. Слух об этом дошел до командования Кавказской армии, и оно поспешило сконцентрировать у Бомбар 3,5-тысячный отряд под командой полковника Колюбакина и абхазского «дворянина» генерал-майора Каца Маргани. 24 февраля передовые силы убыхов, спустившись в ущелье Аури, наткнулись в 12 километрах от Бомбар на этот отряд и завязали с ним перестрелку, длившуюся несколько часов. Неравенство сил вынудило убыхов удалиться в снеговые горы. А в это время 3 роты солдат под командой майора Бибикова, воспользовавшись отсутствием убыхского ополчения, напали на беззащитное селение Сочи. В приказе Воронцова по этому поводу цинично заявлено: «Майор Бибиков отлично выполнил возложенное на него поручение и предал аул пламени со всем имуществом жителей. При этом мы имели 17 человек раненых»¹⁵⁹.

Убыхская племенная знать в своем приспособленчестве к условиям совершила в 1852 года новый виртуозный скачок. Для укрепления своей власти она решила воспользоваться авторитетом... Магомет-Эмина. Она по собственной инициативе пригласила к себе Шамилева наиба для заведения новой системы управления в Убыхии. Куашха рассчитывали, что юридически признав его нововведение, они возьмут власть в свои руки и будут именем Магомет-Эмина сами управлять краем.

Наиб прибыл. Кроме учреждения мегкеме и укрепления своего влияния в Убыхии, он имел в виду заставить асадзуа присоединиться к союзу племен и также принять его реформу. Собрав 2000 убыхов (там были и прибывшие с ним абдзахи), 3 октября 1852 года он вступил на территорию соседних асадзуаских общин. В это время уже известный нам Бибиков высадил у укрепления Св. Духа отряд в 742 человека при двух орудиях и выступил на 4 километра вверх по р. Мзымта, где и произошел 5 октября бой с силами наиба. Убыхи, как и всегда, храбро бросались в шашки, подсакивая под самые дула орудий, но огонь последних заставлял их всякий раз отходить с потерями. В этом бою убыхи потеряли около 20 человек убитыми. В отряде Бибикова был убит унтер-офицер, ранено 19 солдат и контужен сам Бибиков. На другой день убыхи и Магомет-Эмин покинули Асадзуа.

За время своего пребывания у асадзуа, Магомет-Эмин принял присягу от ближайших к убыхам обществ. Его власть признали и гуае. После этого он распустил убыхов и с одними абдзахами отправился приводить к присяге общества Малой Шапсугии.

Магомет-Эмин остался недоволен результатами последней экспедиции. Когда его приглашали в Убыхию для введения нового устройства,

¹⁵⁹ Там же, с. 466; Акты... X, с. 537, 902; XI, с. 48; Вести с Кавказа // Газета «Кавказ». 1852. № 19.

то ни куашха, ни вагыши не имели в виду предоставить наibu право безоговорочной власти над своим краем. Куашха, как мы уже говорили, хотели его именем управлять народом, в то время как он потребовал себе исключительной и безграничной власти. Это привело к взаимному несогласию между куашха и Магомет-Эмином. С другой стороны, выявилось сопротивление вагышей по отношению к некоторым его реформам. Так, они были против абсолютного упразднения посреднических судов, разбиравших дела по адату (обычаю) и введения судопроизводства исключительно по шариату (мусульманским юридическим нормам); вагыши, еще проникнутые многими старыми воззрениями родового строя, не соглашались и с предоставлением этим судам права смертной казни, которая допускалась среди убыхов лишь в результате решения суда своих родов. Магомет-Эмин покинул Убыхию, так и не договорившись по ряду важных вопросов¹⁶⁰.

Абхазский абрек Кизыл-бек Маршани, имея в виду совершить набег на Абхазию в 1853 году, вел переговоры с убыхами, чтобы они приняли активное участие в его предприятии¹⁶¹, но согласились ли они на это — нам неизвестно.

А в это время на Западном Кавказе велась деятельная работа по объединению племен и подготовка к предстоящей войне Турции с Россией. В конце 1852 года с убыхского берега едет в Турцию какой-то Хан-Оглы с тайными поручениями от Магомет-Эмина. В феврале 1853 года в Убыхию прибывают какие-то лазы с обнадеживающими письмами от Хан-Оглы. Значение этого посольства видно из того, что Магомет-Эмин принял с большим почетом приехавших лазов¹⁶².

Сам же Магомет-Эмин, приведя к присяге шапсугов и натхуаджей, отправил депутатов к бжедугам, считавшимся в подданстве царской России. Он потребовал от них выставить муртезеков. 6 мая 1853 года происходило на р. Антхырь народное собрание с участием шапсугов, натхуаджей и убыхов. После этого собрания Магомет-Эмин с муртезеками направился в долины Азипса, Убина, Шебжа и хотел посетить Бжедугию. На своем пути он сокрушал племенную знать, не останавливаясь перед физическим уничтожением ряда пши и уорков; в то же время он всячески укреплял авторитет выбранных народом старшин. Разгорелась борьба между феодализирующей племенной знатью и восставшим против нее юридически еще свободным крестьянством. Бжедугские тлхукотли явно стали склоняться на сторону Магомет-Эмина¹⁶³.

В середине 1853 года к Вордане прибыло три турецкие кочермы, груженные порохом, свинцом, железом. Военный груз был сложен на Леупе

¹⁶⁰ Акты... X, с. 626, 693; Вести с Кавказа // Газета «Кавказ». 1852. № 71.

¹⁶¹ Акты... X, с. 694.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Акты... X, с. 636.

в 3 домах местного жителя эффенди Заушелан (наверное, Дзепш). Для распределения прибывшего груза туда явился сам Магомет-Эмин. К берегам Черкессии и Абхазии пристало еще 5 кочерм с военным грузом. В Убыхии ожидали приезда из Турции известного шапсугского пши антироссийской ориентации Сефер-бея Зана, обещавшего прибыть с артиллерией, для перевозки которой Магомет-Эмин собирал у разных племен по паре быков и лошадей от каждой сотни хозяйств. Кроме того, для совещания наиб собирал от того же числа дворов по два человека старейшин и по одному мулле. Сефер-бей Зан прислал послание к шапсугам, абдзахам и убыхам, в котором советовал до своего приезда повиноваться Магомет-Эмину, если тот действительно хлопочет об освобождении Западного Кавказа от войск русского царя. Сефер-бей сообщал, что лично прибудет в Цемез (теперь — Новороссийск) с иностранными десантными войсками и боеприпасами и просил приготовить транспорт в 1000 быков и столько же лошадей¹⁶⁴.

Угроза войны все более надвигалась. Царское правительство, понимая беспомощность укреплений Черноморской береговой линии, сняло свои береговые гарнизоны, и горцы получили снова свободные сношения с Турцией.

Война была объявлена. В мае 1854 года Сефер-бей Зан со званием паши прибыл к берегам Абхазии и послал к убыхам Безед-пашу в сопровождении какого-то хана, побывавшего среди убыхов в прошлом году (очевидно, Хан-Оглы). Но убыхи заявили хану, что они не привыкли кому-либо подчиняться и хотят в будущем сохранить свою независимость; а так как хан раньше вел себя в Убыхии слишком по-начальнически, то теперь они не только не станут его слушаться, но не желают его даже принять, и если он все же отважится выйти на берег, то поплатится собственной головой. Особа же младшего паши на первых порах не вызвала среди убыхов возмущения, и они даже согласились выполнять его распоряжения. Сефер-бей рассылал воззвания с призывом на борьбу с царской Россией, и в ответ на них со всех сторон собирались убыхи, абдзахи, шапсуги и др.¹⁶⁵ В мае эти силы вступили в зыбскую Абхазию¹⁶⁶.

Но дело борьбы с царской Россией не было единственной целью всех слоев горского общества. Эта борьба осложнялась другою — внутренней — между крестьянством и племенной знатью. Внешним выражением этой борьбы было несогласие между двумя главнейшими деятелями Западного Кавказа — Магомет-Эмином и Сефер-беем Заном. Каждый из них претендовал на первенство¹⁶⁷. Магомет-Эмин, который в течение последних лет провел огромную работу по сплочению племен, должен

¹⁶⁴ Там же. с. 642.

¹⁶⁵ Там же, с. 274–275; *Lapinski T.*, s. 290.

¹⁶⁶ Акты... X, с. 277.

¹⁶⁷ *Щербина Ф.*, с. 546.

был подчиниться неожиданно явившемуся после многолетнего отсутствия шапсугскому пши, неизвестно за что получившему титул паши. Это расстроило все планы наиба, и поэтому он оставил Кавказ и отправился в Стамбул выяснить недоразумение.

Что касается убыхов, то в их среде еще сильны были центробежные силы, унаследованные от родовой разобщенности. Они не пожелали подчиниться ни Магомет-Эмину, ни Зану. Князь Шервашидзе в начале июня 1854 года, имея свои тайные цели, хитро укорял Хаджи-Керендука Берзека и некоторых других куашха, что они, мол, подчинились откуда-то приехавшему чужеплеменнику, каким являлся Магомет-Эмин. Куашха, возвратившись от Шервашидзе, с удовольствием распространяли укор владетеля Абхазии. При этом объясняли, что реформатор до сих пор пользовался властью лишь потому, что разные несогласия отвлекали куашха и вагышей от общей цели, а теперь, когда царские войска больше не наступают на Убыхию, когда открыты свободные сношения с Турцией и действия всех племен ничем не связаны, то народ уже не нуждается в посторонних начальниках и будет управляться согласно своим старинным адатам. При этом было решено, что впредь влиятельных лиц со стороны будут принимать лишь по приказанию султана, но и распоряжения этих лиц будут исполняться лишь в том случае, если, по мнению народа, они не будут противоречить воле последнего¹⁶⁸. Учрежденное Магомет-Эмином мегкеме было уничтожено, а кадии и муртезеки разошлись по домам. В ряде горных мест сожгли мечети и снова водрузили поверженные древние кресты¹⁶⁹.

Когда в 1855 году прибыл наконец в Сухум долгожданный десант турецких войск, то с ним стали объединяться убыхи и абдзахи, имея намерение совместно наступать на Мегрелию¹⁷⁰. В Сухуме Хаджи-Керендук сумел завоевать авторитет среди турецкого командования. Один из турецких офицеров характеризовал его, как «человека достойного, советы которого имели большую важность»¹⁷¹. В частности, Хаджи-Керендук

¹⁶⁸ Акты... X, с. 279. Так, например, посланный Портой к убыхам в качестве младшего паши Безед-паша, не смог выполнить возложенных на него обязанностей по организации убыхского ополчения. Дело в том, что сам Безед-паша по происхождению убых, в детстве был продан в качестве раба в Турцию. Там он успел сделать блестящую для его положения карьеру и, едва имея 24 года, во время Крымской войны стал пашой. Назначая его для руководства Убыхией, турецкое правительство не снабдило его ни достаточными денежными средствами, ни военной силой. Он явился без денег, с парой офицеров и слугой. Убыхские куашха не могли допустить, чтобы над ними начальствовал молодой человек из рабов. Они издевались над его происхождением и даже привели однажды его братьев-рабов, чтобы он их выкупил. Миссия Безед-паши окончилась тем, что он вынужден был вернуться в Стамбул, не оправдав и десятой доли надежд, которые на него возлагало Турецкое правительство. См.: *Lapinski T.*, s. 290, 298–299.

¹⁶⁹ *Lapinski T.*, s. 297–298.

¹⁷⁰ Акты... XI, с. 183.

¹⁷¹ *Осман-бей*. Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877, т. II, с. 204.

принимал активное участие в тайных переговорах, которые вел владелец Абхазии князь М. Шервашидзе с турецким маршалом Мустафа-пашой¹⁷².

Война не принесла горцам освобождения от колониальных притязаний царизма. Кавказский театр военных действий был самым слабым местом союзников. Война окончилась Парижским миром 1856 года, по которому Черное море хотя и объявлялось нейтральным, а Россия лишалась права протектората над Молдавией, Валахией и Сербией, как и права вмешательства во внутренние дела Турции, но она получила назад потерянный было Севастополь и не была лишена прав на горские земли Кавказа.

Сразу же по окончании войны Магомет-Эмин с депутатами от убыхов и других племен отправился в Стамбул жаловаться — по какому праву Сефер-бей Зан получил титул паши, и на этом основании требовал подчинения себе всех горцев Западного Кавказа. Главной же целью делегации было выяснение подробностей Парижского договора.

В том же 1856 году к устью р. Шапсухо прибыло турецкое судно, которое высадило на черкесский берег 50 убыхов и абдзахов, сообщивших горцам следующее: турецкое правительство убедило их, что 1) все племена от Анапы до Гагр признаны независимыми, и 2) что Сефер-бею Зану действительно поручено руководство горцами, которые должны его слушаться. Депутаты передавали, что они были очень радушно приняты султаном, который одарил и наградил их медалями. Но в октябре 1856 года к берегу Вордане возвратился Магомет-Эмин со свитой в 81 человек, имея также титул паши. Порта явно вносила путаницу в горские дела и этим лишь вредила сама себе¹⁷³.

Между тем, еще во время пребывания Магомет-Эмина в Турции убыхи принимают участие в военных предприятиях шапсугов¹⁷⁴, а царское командование из боязни убыхских походов на Абхазию осенью 1856 года приступает снова к отстройке Гагринского укрепления, чтобы с помощью него запереть подступы к Абхазии¹⁷⁵.

В 1857 году князь Барятинский извещает военного министра, что непрерывно поступают известия о прибытии турецких кочерм и английских пароходов к Вордане и другим пунктам кавказского побережья¹⁷⁶.

В феврале 1857 года прибыла к устью р. Туапсе группа иностранцев во главе с польским националистом Лапинским. Он предложил горцам построить под его руководством ряд укреплений и организовать унич-

¹⁷² Акты... XI, с. 48, 50–51.

¹⁷³ Акты... XII, с. 705–706; Акты... XII, ч. 3, с. 419–420.

¹⁷⁴ Акты... XII, ч. 3, с. 418.

¹⁷⁵ Акты... XI, с. 324–325; Акты... XII, ч. 3, с. 406, 411.

¹⁷⁶ Акты... XII, с. 720.

тожение царских станиц и укреплений по левую сторону р. Кубани¹⁷⁷. Лапинским руководило узко национальное чувство борьбы за независимость Польши, причем, как говорит лично его знавший Карл Маркс: «Он ненавидит всех “восточных людей”, к которым он с одинаковой готовностью причисляет русских, турок, греков, армян и т.д.» о крестьянстве он отзывался, как о «насквозь реакционной сволочи»¹⁷⁸. Поэтому неудивительно, что «муллы и влиятельные лица» (т.е. племенная знать) называли его своим союзником, а в то же время известно, что не имевшие сословия пши хакучи (да одни ли они?) к нему «относились весьма враждебно»¹⁷⁹. Неудивительно, что и Магомет-Эмин отнесся ко всей группе иностранцев весьма недоверчиво и даже угрожал им расправой.

Не сумев воспользоваться Восточной войной, горцы потеряли благоприятное время. С окончанием же ее царское правительство снова приступает к организованному наступлению. Уже в 1857 года оно развертывает свои военные действия, ориентируясь на плановое занятие всей предгорной полосы, охватывая не слагающих оружия горцев в железное кольцо, «чтобы стеснением средств продовольствия принудить горные народы к покорности»¹⁸⁰. На Кавказ были переброшены с Крымского фронта освободившиеся войска. Изменение ситуации поняли и горцы. Племенная знать, вполне закономерно, снова начинает заигрывать с генералами. Асадзуаская племенная знать, пользуясь племенной враждой своего народа с убыхами, первая пошла на очередной сговор с колонизаторами и просила выстроить укрепление на р. Хоста, чтобы препятствовать вторжению убыхов¹⁸¹.

В Убыхии в то время, когда вагыши, в связи с последними неудачами, несколько ослабили свою энергию, племенная знать снова подняла голову. В начале июня 1857 года около Адлера 5000 убыхов собрались для похода на Гагры. Военачальниками этой партии были Хаджи-Керендук-Догомуко Берзек и Измаил-бей Баракай-ипа Дзепш. Последний привез им раздобытые 3 небольшие орудия. Поход убыхов не состоялся, так как в это самое время стало известно, что в конце мая племянник Хаджи-Керендука, так называемый меньшей Хаджи-Берзек, вел в Сухуме тайные переговоры с М. Шервашидзе и ген. Гагариным и «обещал при благоприятных обстоятельствах служить усердно нашему правительству», — пишет генерал Гагарин. Когда тайное стало явным, то «это возбудило крайнее негодование на всех Берзеков, которые собирают партии, чтобы казаться смелыми и предприимчивыми старшинами, и в то же время под-

¹⁷⁷ См. его книгу, а также: *Абцедарий*. Искатели приключений в среде населения Западного Кавказа в 1857 г. // Кубанские областные ведомости. 1874. № 17.

¹⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. XXIII, с. 164–165.

¹⁷⁹ *Абцедарий*, № 17.

¹⁸⁰ Угринович К. Краткий обзор военных действий на Кавказе в минувшем 1857 году // Русский вестник. М., 1858, т. XIII, с. 279.

¹⁸¹ Акты... XII, с. 504–505.

водят людей под беду, находясь в тайных сношениях с русскими». Возмущенные предательством убыхи вместо похода на Гагры пошли и разорили имущество меньшого Хаджи-Берзека¹⁸². Когда в 1858 году в Убыхию явился Магомет-Эмин, и опять приступил к учреждению народного суда (что прямо било по интересам куашха), и требовал объединения с черкесскими племенами побережья, то племенная знать оказала настолько сильное сопротивление, что Магомет-Эмин, чтобы не рисковать собою, вынужден был покинуть Убыхию, пообещав вернуться с вооруженными абдзахами.

Сразу же после этих событий куашха посылают депутатов к начальнику войск в Абхазии, генерал-майору Лорис-Меликову с целью возобновления переговоров о принятии убыхами царского подданства. Куашха вели эти переговоры от имени всего убыхского народа, но широкие слои его и не думали лишаться своей свободы. Куашха тайно от соплеменников продавали их за ордена, чины, «жалованье», за укрепление своего могущества с помощью царских штыков. Лорис-Меликов использовал для переговоров с куашха воспитанного у убыхов владельца Абхазии М. Шервашидзе. Лорис-Меликов дипломатично предложил депутатам (думая, что это депутаты от всего народа) на первых порах не жесткие условия: 1) не нападать на войска и границу царской России; 2) учредить в Убыхии «народные суды» (конечно, не по образцу Магомет-Эмина), членам которых царское командование будет платить жалованье; при каждом суде выставить по 25 есаулов опять-таки с царским милиционерским жалованьем; 3) царское правительство «разрешит» (и так фактически существующую) торговлю убыхов с Турцией, исключая импортирования военных грузов (порох, свинец, оружие) и 4) царское правительство «разрешит» поездки убыхов в Турцию для свидания с находящимися там родственниками. В своей записке Лорис-Меликов указывает, что «на первый раз» не следует требовать от убыхов аманатов, чтобы не отпугивать их от покорности. Генерал решил покорить Убыхию рублем. Он везде, где можно, подчеркивает, что и судьи, и есаулы будут получать из казны деньги, что при всяком враждебном акте со стороны того или иного запроданного убыха последний будет лишаться жалованья. Кроме того, генерал пишет в своей записке, что «необходимо также ассигновать особую ежегодную сумму для подарков», т.е. подкупов. Он не скрывает, что можно будет выбросить как пустую бумажку легкие условия, предложенные убыхам, когда на Западном Кавказе будут стянуты большие военные силы. В этом он цинично признается в своей записке. Мир с убыхами был нужен для укрепления царского господства в Абхазии — это хорошо понимал Лорис-Меликов¹⁸³.

¹⁸² Фадеев А. Убыхи, с. 171–172.

¹⁸³ Акты... XII, ч. 3, с. 745–751

Переговоры, конечно, ни к чему не привели, так как депутаты куашха не были выразителями воли широких слоев Убыхии, которые и слышать не хотели о российском подданстве. Воля к борьбе не исчезла, и тем временем, пока куашха вели тайный сговор с князем Шервашидзе и генерал-майором Лорис-Меликовым, вагыши лишь ждали удобного случая для выступления на новую активную борьбу за свою независимость.

В это время, 17 октября 1858 года, приехал на Сочи адъютант сараскира (турецкого военного министра) Омар-Ага. Он был родом убых; в детстве его продали в Константинополь, и вот уже 10 лет как он находился на турецкой военной службе. Из Сочи Омар-ага направился с каким-то секретным поручением в Абхазию к Магомет-Эмину. И на Сочи, и везде по пути своего следования он разъяснял населению, что по Парижскому договору земли кавказских горцев признаны независимыми и что Россия не имеет права препятствовать развитию горско-турецкой торговли и всяким другим общениям между этими странами¹⁸⁴. Четыре месяца пробыл в горах Омар-Ага, и это не осталось безрезультатным. Возвращаясь, он вез с собой петицию от независимых племен Западного Кавказа на имя сараскира Риза-паши с просьбой о заступничестве Порты перед европейскими державами, которые должны признать, что восточный берег Черного моря является независимой страной. В этой петиции, между прочим, писалось: «Вашему превосходительству не безызвестно, что во все времена единственным желанием черкесов (убыхи здесь разумелись в составе черкесов. — Л.Л.), как известно всему свету, была свобода <...> Пока наши желания не приведутся в исполнение, мы не перестанем вести войну с Россией и никогда слово “мир” не будет нами произнесено». Насколько в этот период Кавказской войны велика уже была роль убыхов, видно из того, что подписи их представителей под петицией стоят в числе первых (после Магомет-Эмина и Реиса)¹⁸⁵.

С поездкой Омар-Аги связан и другой факт: очевидно, он подал Магомет-Эмину идею создания в верховьях р. Белой первых серебросвинцовых рудников. Талантливый реформатор Магомет-Эмин среди своих широких планов имел в виду и создание промышленности, находившейся бы в ведении союзного мегкеме. До этого была лишь в Асадзуа турецкая лесопильня. Магомет-Эмин думал развернуть добычу серебра для того, чтобы использовать его для приобретения оружия (в том числе артиллерии). Омар-Ага обязался заготавливать в Стамбуле техническое оборудование предполагаемых рудников¹⁸⁶. Как потом передавал один абдзах, Магомет-Эмин собрал до 200 человек русских дезертиров и пленных и отправил их на разработки руды. Есть даже намек на то, что там уже началась интенсивная чеканка царских серебряных денег, но

¹⁸⁴ Акты... XII, ч. 3, с. 764, 780

¹⁸⁵ Акты... XII, ч. 3, с. 789–790; Акты... XII, с. 248

¹⁸⁶ Акты... XII, ч. 3, с. 750

это сомнительно. Но, будто бы, убыхи, собравшись в большую партию, перебили всех рабочих — и русских, и абдзахов. Когда Магомет-Эмин запросил убыхов о причине их поведения, они ответили, что, если, мол, русские прослышали о серебре, то обязательно направят туда все свои силы, и край скоро окажется завоеванным. После этого разработки более не возобновлялись¹⁸⁷.

Упразднение береговых укреплений позволило горцам снова широко развернуть морские сношения с Турцией, что, естественно, противоречило интересам царского правительства. И оно, несмотря на иное мнение, высказанное на этот счет кутаисским генерал-губернатором князем Эристовым¹⁸⁸, снова приступает к морскому крейсерованию для выслеживания кочерм¹⁸⁹. В ночь на 6 апреля 1859 года двумя азовскими байдаками вблизи устья р. Сочи была захвачена кочерма, груженная солью. Утром 9 апреля другая кочерма была сожжена в результате артиллерийской стрельбы с моря. В тот же день вблизи устья Шахе были подстрелены еще две кочермы. На Сочи, кроме кочермы, ядрами были разбиты турецкая лавка и прострелены соседние дома. Убыхи думали, что снова предполагается десант на Сочи, и поэтому установили постоянный караул по 10 человек от каждого ближайшего селения. Во время этого боя сами убыхи стреляли из пушки по азовским байдакам. Царское командование, обычно зорко следившее за попытками горцев завести свою артиллерию, не оставило эту пушку в покое. Оно подкупило двух сочинских «дворян» Хотха Самп и Куше Шекурха, которые 10 апреля привезли в Гагры выкраденную ими медную пушку и 6-фунтовую мортиру¹⁹⁰.

11 апреля была захвачена следовавшая к Сочи кочерма. При ее взятии (после артиллерийского обстрела) турки сбросили в море какой-то груз, а один из находившихся на ней горцев «бросился в воду и утонул с намерением, не приняв предложенных ему средств к спасению». На кочерме оказались: 9 турок, 6 горцев и одна женщина¹⁹¹. В конце апреля между Сочи и Вордане были обстреляны с моря лавка и две разгруженные кочермы¹⁹². 6 октября того же 1859 года артиллерийской стрельбой с корвета была разбита маленькая кочерма и попорчена одна большая и еще две маленьких. С берега засевшие за деревьями убыхи в это время обстреливали корвет из своих ружей и пушки, но не могли причинить вреда корвету, так как их пули не долетали, а ядра не попадали¹⁹³. На Вордане, в связи с торговым оживлением после Восточной войны, возобновился

187 Захаров С. О населении 27 полка // Кубанские ведомости. 1867. № 42; Акты... XII, ч. 3, с. 828.

188 Акты... XII, с. 799; Акты... XII, ч. 3, с. 755–756.

189 Акты... XII, ч. 3, с. 771–776.

190 Акты... XII, ч. 3, с. 791–793; Газета «Кавказ». 1859. № 34.

191 Акты... XII, ч. 3, с. 813; Газета «Кавказ». 1859. № 34.

192 Акты... XII, ч. 3, с. 792–793.

193 Акты... XII, ч. 3, с. 846.

на самом берегу моря базар. 22 октября царские корабли безрезультатно дважды пытались сжечь большую лавку на территории этого базара, но это им не удалось, так как быстро сбежавшиеся на сигнальные выстрелы убыхи огнем своих ружей отогнали врага¹⁹⁴.

Попутно с этими событиями делается новая попытка объединения еще незавоеванных племен Западного Кавказа. Черкесские пши и уорки и убыхские куашха пытались взять движение в свои руки. В апреле 1859 года состоялось всенародное собрание в ущелье Бегогу («Богаге») с участием шапсугов, натхуаджей, абдзахов и убыхов. Целью этого собрания являлось: 1) дать взаимную присягу верности общему делу борьбы за независимость, 2) условиться о плане совместных действий; племенная знать требовала еще от собрания 3) присяги на верность шапсугскому пши Сефер-бею Зану. Последнее шло в разрез с интересами черкесских тлхукотлей и убыхских вагышей, поэтому само собрание, не придя к общему мнению, окончилось ничем.

Во время Бегогского собрания царские войска под командою генерала Бабича прибыли к слиянию рек Бакан и Неберджай с целью постройки на этом месте укрепления. Присутствовавшие на собрании горцы отравились противодействовать постройке этого укрепления. Высланный 20 июня против них отряд побоялся напасть на горцев и отступил назад. 22 июня горцы напали на Адагумское укрепление. Несмотря на большую храбрость, горцы все же отступили, так как сила была на стороне противника. В следующие два дня происходили перестрелки, но обнажившиеся противоречия между рядовыми общинниками и племенной знатью и противоречия межплеменные, как было сказано выше, расстроили собрание, и участники его разъехались по домам¹⁹⁵.

В начале июля 1859 года убыхи совместно с рядовыми асадзуаскими общинниками собрались в количестве до 500 человек, имея в виду совершить нападение на Гагры, и с этою целью привезли в Сочи добытые где-то две медные пушки. В это же время прибыла из Трапезунта к Хосте кочерма, которая привезла, кроме соли и текстильных товаров, также и порох¹⁹⁶. Собравшиеся в поход в ночь на 13 июля, не доходя до Гагр, напали на Цандрипш, очевидно, с целью отомстить жителям за то, что те не противодействовали активно русофильской политике своей племенной аристократии. В результате происшедшего сражения, нападавшие отбили у цандрипшцев почти все табуны лошадей, потеряв со своей стороны 20 человек убитыми, после чего повернули назад к Адлеру, конвоируя свою добычу¹⁹⁷. 20 июля убыхи и асадзуа снова показались в окрестностях Гагр. Но пострадавшая в последнем сражении асадзуаская знать в

¹⁹⁴ Акты... XII, ч. 3, с. 846–847.

¹⁹⁵ Акты... XII, с. 1285; Газета «Кавказ». 1859. № 65.

¹⁹⁶ Акты... XII, ч. 3, с. 828.

¹⁹⁷ Акты... XII, ч. 3, с. 835.

лице Сомеха Цанбая и Сомеха Абица, собрав своих сторонников, решила отомстить за свое разорение. Не считаясь с народными обычаями, эта знать в священной роще неожиданно напала на убыхов и бывших с ними асадзуа и после большой перестрелки заставила их укрыться в соседних горах. 22 июля они все же произвели нападение на Гагры, но из-за своей малочисленности (их в это время было лишь 200 человек) не достигли желательного результата¹⁹⁸. Отбитый у убыхов асадзуаской знатью чугунный фальконет Сомех Абиц и Сомех Цанбай услужливо доставили в Гагры¹⁹⁹.

Если в 1859 году и не происходило серьезных наступательных действий России на убыхов, то, тем не менее, этот год был переломным в судьбе этого народа. Трагическая развязка приблизилась. Дело в том, что в 1859 г. кавказским горцам было нанесено огромное поражение — имам Шамиль, одно имя которого вдохновляло широкие горские массы на борьбу за свою независимость, имя которого не раз приводило в трепет царские войска, — Шамиль, наконец, был захвачен врагами. И таким образом, Восточный Кавказ, рассадник идей мюридизма, пал. Осетия, Карачай, Балкария, Кабарда, Чечня, Абхазия и добрая половина Черкесии к этому времени также были «замирены» и превращены в колонии царской России. В этом году сложили оружие бжедуги, чемгуи, махоши, бесленеи, шагиреи. Сразу же по получении известия о падении Дагестана и пленении Шамиля его талантливейший наиб, Магомет-Эмин, присягнул с абадзехами на верность царскому правительству. Он увидел, что дальнейшая борьба при сложившихся обстоятельствах невозможна и поэтому продолжение ее приведет лишь к бесцельному пролитию крови. Замечательная личность наиба, пламенного борца за независимость горцев, организатора рядовых общинников в их борьбе с племенной знатью, сошла со сцены. Чтобы понять все значение этого человека, следует вспомнить, что он, одинокий чужестранец, хотя и временно, но смог *впервые* объединить разноплеменный Западный Кавказ, несмотря на интриги пши, уорков и куашха, несмотря на сложные противоречия и дразги между племенами, родами и общинами. Даже старые официальные историки царского правительства вынуждены были признать большую моральную силу и выдающееся историческое значение этого реформатора. Ф. Щербина так характеризует его: «Родом плебей, которому всю жизнь приходилось брать все с бою, не только лично возвысился до высшего положения, о каком только мог мечтать горец, но временами играл роль неограниченного властелина, организовал народное управление на демократических началах и, стоя все время на торном пути объединения

¹⁹⁸ Акты... XII, ч. 3, с. 835–836.

¹⁹⁹ Акты... XII, ч. 3, с. 837.

черкесских народностей, сам прекратил свою деятельность, когда убедился, что идти дальше некуда»²⁰⁰.

На всем Кавказе к концу 1859 г. оставались независимыми лишь шапсуги, натхуаджи, асадзуа и убыхи. Фактически независимыми, хотя и принявшими присягу царю, были абдзахи. Все это представляло собою очень небольшой район. Ситуация для горцев складывалась тяжелая. Командование Кавказской армией закрепляло за собою завоеванные местности: прокладывало дороги, строило станицы и укрепления. Убыхи посылают адрес к высокопоставленному лицу в Турции с просьбой турецкого посредничества перед Европой для провозглашения независимости восточного берега Черного моря. Племенная знать Убыхии, с одной стороны (под прессом народного волнения), подписывает этот адрес, а с другой — ездит к российскому командованию за очередной «пенсией», уверяя в своих верноподданнических чувствах²⁰¹.

Конец Кавказской войны и изгнание убыхов в Турцию (1860–1864 гг.)

Покончив с Восточным Кавказом, царское правительство приступило к завоеванию Западного. В 1860 г. для этой цели были стянуты за Кубань освободившиеся с левого фланга войска в количестве 70 батальонов пехоты, 20 казачьих полков, дивизиона драгун и ста орудий²⁰². Силы, как видим, внушительные! Но не без волнения приступала помещицья Россия к выполнению заключительных действий на Кавказе. Достаточно прочесть записки Скорятина, чтобы в этом убедиться. Он пророчил, что убыхи (именно убыхи) окажут нечеловеческое сопротивление и, возможно, что у них появится второй Шамиль. Да и сам кавказский наместник князь Барятинский, приступая к окончательному завоеванию Западного Кавказа, писал военному министру Сухазонету: «Осталось <...> еще воинственное и многочисленное население шапсугов и убыхов, доселе никогда не подчинявшееся никакому владычеству, не испытывавшее никогда ужасов войны, чуждое всяких уз гражданского благоустройства. С этими-то племенами еще остается нам справиться, чтобы довершить окончательно покорение Кавказа, и здесь мы должны ожидать главное затруднение именно от совершенного отсутствия между ними не только власти общественной, но даже и отдельных личностей, которые могли бы преобладающим значением сколько-нибудь связывать массу рассеянного народа и увлечь ее к единодушному признанию русского господства»²⁰³. У страха глаза велики, — поэтому считали силы независимых

²⁰⁰ Щербина Ф., с. 555.

²⁰¹ Акты... XII, с. 248.

²⁰² Дроздов И., с. 42.

²⁰³ Акты... XII, ч. 3, с. 906.